

УДК 821.511.111+821.113.6

Елена Сойни

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

МОТИВ ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ФИНЛЯНДИИ XX ВЕКА*

Для цитирования: *Сойни Е. Г.* Мотив пути в творчестве поэтов Финляндии XX века // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 374–394.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.211>

Мотив пути — одна из основных доминант в творчестве видных поэтов Финляндии XX в. как финнов, так и шведов. Понимание жизни как дороги роднит поэзию Эйно Лейно, Ууно Кайласа, Пааво Хаавикко, Ристо Ахти, Хели Лааксонен, Эдит Сёдергран, Эльмера Диктониуса, Ральфа Нурдгрена и др. Их позиция совпадает с творческими концепциями Александра Блока, с идеями паломничества в европейской литературе. Поэзия Финляндии XX в. встраивается в общеевропейскую линию, но в финской поэзии мотив пути существовал еще начиная с эпических песен. Причем у путешественников цели были разные — от высоких, священных, до приземленных, бытовых. В начале XX в. финские неоромантики, интересуясь историей национальной культуры, совершали частые путешествия в финскую и русскую Карелию. Начиная с 1920-х гг. поэты обращаются к образу пути как к «святой дороге призвания» (Ууно Кайлас), с которой певец не имеет права свернуть. В послевоенной поэзии движение по кругу, «туда-сюда» (Ристо Ахти) в любом случае означает движение вперед. Главное, не сесть на мель, не налететь на стену. Доминанта пути оказывается тесно сплетенной с доминантой образа дома, мотив пути — с образом времени, с жизненным циклом, биографией. Путь реальный, географический, биографичный и духовный сливаются в один, и на этом пути высокое сплетается с низким и даже низменным, макрокосм с микрокосмом. В современной финской поэзии тема пути зазвучала по-новому с разнообразными нюансами, которые порой не сочетаются друг с другом, но она по-прежнему остается актуальной и, можно сказать, основной.

Ключевые слова: поэзия Финляндии, мотив пути, жизнь-дорога, духовная биография, возвращение, дом, круг.

* Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН 2023 г. по плановой теме № 121070800089-0 «Фольклор, рукописная книжность и литература Европейского Севера: источниковедение и поэтика».

Чувство пути Александр Блок считал главным признаком таланта писателя [Блок, 1962, с. 369]. И, несомненно, в творчестве самого Блока доминанта пути «выдвигается на первый план» [Максимов, 1972, с. 27]. По словам Д. Е. Максимова, «это был не только путь, стремительное духовное развитие, реализованное прежде всего в эволюции поэтического творчества, — но и мысль пути, порождающая тему пути...» [Максимов, 1972, с. 27].

Но весь вопрос в том, что включать в идеологему пути: количество упоминаний дороги, похода, движения в творчестве или восприятие поэтом себя как скитальца и своей жизни как странничества? С древних времен уподобление человека страннику и гостю остается, по мнению видного специалиста по философии Китая В. В. Малявина, «несомненно, одним из самых глубоких, самых жизненных. Способность человека сознавать себя вечным скитальцем есть его способность вновь и вновь обновляться, искать себя, делать саму свою жизнь творчеством и, следовательно, открывать в ней неуничтожимое качество, делать ее началом новых жизней» [Малявин, 1988, с. 33].

Для финских поэтов XX в., начиная с Эйно Лейно, чувство пути было особенно характерно. В историко-литературном контексте к теме пути в поэзии Финляндии обращались Э. Г. Карху [Карху, 1990], К. Лайтинен [Laitinen, 1981], М.-Л. Невала (Kunnas) [Kunnas, 1981]. Тему паломничества в неоромантизме исследовала Э. Г. Рахимова в монографии «От “калевальских” изустных рун в неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно» [Рахимова, 2001, с. 22–38]. Мотив пути как сквозная доминанта в поэзии Финляндии XX в. не был предметом специального анализа исследователей.

Финские неоромантики с их гипертрофированной персонификацией, безусловно, предпочитали символический образ пути как процесса самоутверждения, творческого самовыражения, самореализации. Они вкладывали в эту метафору жизни понятие духовной биографии. Такое понимание жизни как дороги, стези совпадало с творческой позицией Александра Блока. Лирический герой у Эйно Лейно всегда путник, скиталец, паломник. Сама лексика, связанная с темой пути и у Э. Лейно, обращает на себя внимание уже в названиях стихотворений: «Мой путь» (*Minun tieni*), «Иду я тропинкой лесною» (*Mä metsän polkua kuljen*), «Возвращайтесь домой» (*Tulkaa kotiin*) и др.

Д. Е. Максимов считает, что тема пути была достаточно развита в поэзии символизма и «выражалась с различной степенью интенсивности — в одних случаях почти исчезая, в других развиваясь до максимума» [Максимов, 1972, с. 27]. То же можно сказать о концепциях неоромантизма, герои неоромантиков находились в реальном пути и в состоянии перехода от рационального к иррациональному одновременно.

Мотив пути реализуется в разных жанрах, прежде всего при передаче впечатлений от приключений и путешествий. Как и мотив дома, это один из ключевых мотивов в европейской культуре, начиная от национального фольклора (поиски счастья, своей доли), от странствий Одиссея во времени и пространстве, странствий Данте в иномирных пространствах-измерениях. В финской эпической поэзии — это бегство Лемминкяйнена, путешествие фольклорных героев в поисках невесты, в «Калевале» — поход калевальцев за Сампо. Причем у путешественников цели были разные — от священных до приземленных, бытовых.

В поэзии русского символизма к реальному географическому пути и к саморазвитию лирического героя добавляется состояние перехода, связанное с идеей двоемирия. В целом в поэзии начала XX в. речь могла идти больше о странствиях души и духа. По сути, образ пути становится не только образом пространства, но и образом времени, эпохи и отзывающейся на них эхом души художника.

Финская поэзия XX в. встраивается в общеевропейскую линию. Тема пути заявляет о себе в поэзии финского неоромантизма, в творчестве финских экспрессионистов и поэтов практически всех направлений. Эта тема становится излюбленной и одной из основных.

Под темой пути можно понимать: 1) реально-географический путь по земле, воде, воздуху; 2) жизненный путь; 3) духовное развитие лирического героя; 4) состояние перехода в поэтическом сознании. Но строгая классификация вряд ли возможна. Это как любое, двухчастное или многочастное, построение, слишком приблизительное деление. Жизнь скорей склонна связывать, а не разводить полюса. Так, доминанта пути оказывается тесно сплетенной с доминантой образа дома, мотив пути — с образом времени, с жизненным циклом, биографией. Путь реальный, географический, биографичный и духовный путь сливаются в один, и на этом

пути высокое сплетается с низким и даже низменным, макрокосм с микрокосмом.

«У поэта пути биографично каждое слово, жест, поскольку он на себе исследует судьбу мира» [Сузи, 2017, с. 9], — резонно замечает финский исследователь В. Н. Сузи, что подтверждается яркими примерами из сборника *Septemberlyran* («Сентябрьская лира», 1918) Эдит Сёдергран. Именно умение парадоксально соединить в едином синтезе космическую символику и эпизоды собственной биографии вплоть до натуралистических деталей принесло известность шведоязычной финляндской поэтессе. В стихотворении «Фрагмент» Сёдергран описывает дни творения, когда «пустились в путь горы» (*Nu hava bergen stigit upp och börjat vandra*) и «в вечном движении люди соединяются с космосом» (*och bli förenta med Kosmosigen*) [Södergran, 1990, s. 84]. А рядом проносятся поезда в реально существующие города: Берлин, Париж, Лондон. На коже обнаруживаются «бактерии жизни», и возникает образ Петербурга, родного города поэтессы:

*Petersburg, Petersburg,
från dina tinnar fladdrar min
barndoms förtrollade Fana.*
[Södergran, 1990, p. 85]

‘Петербург, Петербург,
на твоих шпилях колышется волшебный
флаг моего детства’¹.

Сквозь лирическую героиню проносятся «вечные ветры» (*eviga vindar*) [Södergran, 1990, p. 85], соединяются «ритмы сердца с космическими ритмами... во время всемирного торжества-странствия» [Карху, 1990, с. 326].

В стихотворении «Пешком прошла я Солнечную систему» (*Till fots fick jag gå genom solsystemen*) из сборника «Алтарь роз» (*Rosenaltaret*, 1919) лирическая героиня, проходя по Солнечной системе, обнаруживает «где-то в космосе свое сердце» (*Någonstädes i rumden hänger mitt hjärta*), искрящееся навстречу «другим безмерным сердцам» (*till andra måttlösa hjärtan*) [Södergran, 1990, p. 101]. Одно из «безмерных сердец», несомненно, принадлежало поэту Эльмеру Диктониусу, другу и единомышленнику Сёдергран, подхватившему ее «космическую» эстафету. Поэтов связывали годы

¹ Здесь и далее перевод стихотворений выполнен Е. Г. Соини за исключением случаев, оговоренных особо.

переписки, оба принадлежали к направлению экспрессионизма, сотрудничали с журналом «Ультра». Сёдергран перевела на немецкий язык 12 стихотворений Диктониуса, впервые опубликованных лишь в 1984 г. Гисбертом Янике [Jänicke, 1984, s. 89–121]. Диктониус в 1920 г. откликнулся на стихотворение Сёдергран, написав о скитаниях своего сердца в космосе:

На ладони Вселенной
открытое сердце дрожит —
Это я².

[Диктониус, 1969, с. 11].

В стихотворении «Мой стих» (*Mindikt*, 1921) его герой движется среди планет, рассекая пылающую небесную твердь:

<i>nu svingar jag mig från den ena planeten till den andra genom tonande vågor genom glödande urmassa.</i>	‘...я устремляюсь от одной планеты к другой сквозь грозовые потоки, сквозь светящуюся первоматерию’.
--	---

[Diktonius, 1987, s. 9]

Лирический герой Эйно Лейно цель своего пути осознает, казалось бы, в более реальных категориях. На блоковский вопрос «Во имя?», т. е. во имя чего скитания его лирического героя, Э. Лейно мог бы ответить: «Во имя свободы».

<i>...tie on tehty, määra pantu, Vuon noustava: vapaus</i>	‘...Путь создан, цель поставлена; доберись до вершины горы: Свободы’.
--	--

[Leino, 1926, II, s. 283]

У лирического героя Лейно для достижения свободы хорош любой путь. Он примет любую дорогу: «Я шагаю двумя путями» (*Minä kuljen kuin kahta polkua*). Но все-таки поэт сравнивает дороги, дает характеристику каждой:

<i>Vie toinen se korpien tyynneyteen, Käy toisella tuulien henki. («Kahden herran palvelija»)</i>	‘Эта в дебри ведет, к покою, Та — в просторы, где властвует ветер’. («Слуга двух господ») ³
---	--

[Leino, 1926, I, s. 99]

[Лейно, 1959, с. 76]

² Перевод А. Воловика.

³ Перевод П. Жура.

Простор, где властвует ветер, оставался для Лейно более привлекательным, чем покой. Беспокойная дорога героя Лейно, как и его собственная жизнь, была часто связана с утратой, сомнениями, неожиданными поворотами. В стихотворении «Мой путь» (*Minun tieni*, 1902) свою дорогу Лейно называл дорогой блуждающего, себя — плохим проводником по этой дороге, но цель — священной: «*Henkeni on halpa, // mut pyrintöni ruhin!..*» (Душа моя ничтожна, // Но цель священна!..) [Leino, 1977, s. 166].

У Лейно путники почти всегда одиноки. В самих себе они должны искать опору, силу, знания. В такой ситуации «все зависело от личности, от ее моральной стойкости, от ее сопротивляемости злу, от ее способности внутри себя самой найти возмещение тому, что было утрачено...» [Карху, 1990, с. 124]. По пути даже к священной цели многое теряется путником:

*...mitä kodillaan
hän sai sekä unohti matkallaan.*
[Leino, 1926, II, s. 13]

‘Все то, что получил дома,
растерял по дороге’.

Любая дорога связана с утратами. Но трагедия в том, что по пути утрачивается дом. Потерю дома возместить не может ничто:

*Äsken koito kotimailla
Kuljin taasen surussain,
kun on mennyt...
(«Mennyt koti»)*
[Leino, 1926, I, s. 19]

‘Стороной я шел родною.
О, какой печальный вид:
Отчий дом утрачен мною...⁴
[Лейно, 1959, с. 30]

У поэта мотив пути неотделим от мотива дома, а мотив бегства — от мотива возвращения. Одно без другого явно немислимо. Все структурные деления, грани, «борозды и межи» (выражение Вяч. Иванова), «границы», «двери», «ворота» (Ууно Кайлас) скорее присущи нашему сознанию, восприятию, воображению.

Тема пути тесно связана с темой дома, прежде всего потому, что Дом (земной или небесный) — исходная, начальная и конеч-

⁴ Перевод С. Ботвинника.

ная, итоговая точка всех странствий, связанных с испытанием, избавлением от личной или родовой вины, переходом героя в иное состояние, к иному образу жизни и мыслей.

Эйно Лейно практически не имел постоянного дома, желая быть свободным от всего: вещей, общества, семьи. Но пройдя через отрицание, через прославление одинокого сильного героя, поэт особенно остро стал осознавать, что путь может оказаться ложным, обернуться бедой, если он не приведет к дому.

<i>Kaikk' elon etsijät, eksynehetkin, Tulkaa kotiin!</i>	‘Все, кто блуждает, кто ищет напрасно, — К дому, к дому!’ ⁵
«Tulkaa kotiin»	«Возвращайтесь домой!»
[Leino, 1977, s. 460]	[Поэзия Финляндии, 1980, с. 29]

Если есть дом, лучше оставаться дома, призывал поэт и явно не симпатизировал своему герою-певцу из стихотворения «Песнь неприкаянного» (*Löysäläisen laulu*, 1924). Певец-путник «напева-ет, прогуливаясь, / с улыбкой странную песню» (*hän kulkeissan / hyrälee hymysuin...*), он верит «истине, жизни и дороге», но он не хочет знать слов: «*isänmaa, kotipaikka ja Lies // poulue, perhe ja miui, // verot, verka ja ies*» [Leino, 1977, s. 463] («отчизна, очаг и застолье, // семья, сторонники, подать»⁶ [Поэзия Финляндии, 1980, с. 30]). Поэт не осуждает «неприкаянного», но и не поддерживает своего героя, задавая ему вопрос: «Кто ж ты?» (*Maan vai taivahan laps? ‘Дитя земли или неба?’*) [Leino, 1977, s. 464]. Разрушение очага обрекает героя на страдание и в результате на потерю цели и смысла пути вообще.

Уно Кайлас, прославившийся в финской поэзии как поэт-экспрессионист, занимает более четкую позицию в стихотворении «Страна холодной весны» (*Kylmän kevään maa*, 1932):

<i>Jos kansa itse huoneensa hajoittaa sen perustusta kaivaen kahtahalta, niin voiko edes Jumala auttaa sitä!</i>	‘Если народ сам разрушает свой дом, Подрывая с обеих сторон его основания, То может ли ему помочь Бог?’
[Kailas, 1933, s. 71]	

⁵ Перевод Вс. Рождественского.

⁶ Перевод Э. Шустера.

У Ууно Кайласа мотив пути — это сквозная тема всех его поэтических сборников. В стихотворении «Путь» (*Tie*, 1927) Кайлас отождествляет путь человека со стихией, с путем ветра и даже ползанием червя: «...странен путь человека». У Кайласа сам человек — это дорога. Поэт задается вечным вопросом:

<i>Ken olen? Ihminen mikä on? Pyrkimys suotta. Kaipaas lännestä itään.</i>	‘Кто я? Что есть человек? Тщетное стремление. Тоска с запада на восток.’
--	--

[Kailas, 1933, s. 34]

Тот же вопрос звучит в стихотворении Диктониуса «Мой стих» (1921): «Люди — кто мы? // Куда мы идем?» (*Människor, vad ärvi? // vartgårvi?* [Diktonius, 1987, s. 7]).

У Эйно Лейно в стихотворении «Я» (*Minä*, 1908) путь лирического героя — это несомненно путь души: «*Minä on maailman ajatus...*» («Я — это мысль мира...») [Leino, 1926, II, p. 281]. Лирический герой Кайласа мог бы сказать такой идеализированной личности Лейно: «Я — дорога под твоими шагами» [Kailas, 1933, s. 44]. В стихотворении на смерть Лейно «Красная черта» (*Punajuova*, 1926) Кайлас, ассоциируя своего знаменитого предшественника с медведем, «властелином чащи», пишет, что тот не умер в своем овраге, а «ушел родной тропой к синему морю» (*kotipolku avain hän on mennyt päin sini merta*) [Kailas, 1966, s. 106].

Развивая традицию Эйно Лейно и Эдит Сёдергран, лира которой «звучит для людей и овец / на открытой дороге» (*lyra klingarför folk och få // på öppenväg*) [Södergran, 1990, s. 175], Кайлас создает образ певца-путника, певца-паломника и песни-скитания:

<i>se on vaelluslaulu, jossa sinä itse mukana soit, («Kuoro»)</i>	‘Это песня скитания, Ты звучишь в ней сам, («Хор»)
---	--

[Kailas, 1966, s. 239]

Певец поет о дороге, и эту песню каждый считает своей.

В финале стихотворения «Моему брату» (*Veljelleni*, 1926) Кайлас вторит Лейно, что все живое — в тебе. Оба поэта размышляли

над изречением Шопенгауэра, что мир существует только в представлении индивидуума. Но интерпретация у каждого поэта была своя. У Лейно — это идеализация человека в бесчеловечном мире, одинокого человека. У Кайласа человек нуждается в поддержке, помощи, совете, но он не одинок. Каждый путник поет свою песню. И эта песня одна и та же:

*Jonakin päivänä laulat
Laulun tiestäsi, vaelluslaulun...
Toiset vaeltajat vastaavat sinulle:
— Se on meidän laulumme,
meidän tiemme laulu.
Iloitse tielläsi,
sinun on kaikki, mikä elämässä elää.
Minä, sinun polkusi,
minä tulen kaikista ajoista,
minä tulen kaikkien poistuneiden luota.*
[Kailas, 1933, s. 46–47]

‘В какой-нибудь день ты споешь
песнь о своей дороге, песню
странствия...
Другие странники скажут:
— Это наша песня, песня
нашей дороги.
Радуйся своей дороге,
все, что существует в жизни, —
в тебе.
Я твоя тропа,
я приду сквозь все времена,
я приду от всех ушедших.’

У Кайласа дорога персонифицирована. Это и стихия, и некая духовная сила, объединяющая идущих. Это время, соединяющее две бесконечности. Это, наконец, сама жизнь. И человек должен согласиться на этот путь:

*Sillä se ihminen, jota ei väkevä tulvasi
tempaa mukaansa matkalle
ikaiseen mereen,
hän on vain seisovaa vettä
ja mätänee.*
(«Elämän ylistys»)
[Kailas, 1966, s. 31]

‘Ибо тот, кого могучий поток
Не подхватит с собой в путь,
В вечное море,
Подобен стоячей загнивающей
воде.’
(«Прославление жизни»)

А потому в стихотворении «Ода паломнику» (*Vaeltajan oodi*, 1926) поэт призывает путника расправить крылья без раздумий: «*taipaleella saat tuta kaikki tunnot!*» (‘В пути познаешь все чувства!’) [Kailas, 1966, s. 69].

Для Кайласа жизнь — это дорога паломника, паломническая судьба. По мнению М. Нийнистё, Кайласу был близок мир Ветхого Завета, поэт воспринимал его «как паломничество обетован-

ного народа, вечный путь к цели» [Niinistö, 1969, s. 62]. В стихотворении «Караван» (*Karavaani*, 1926) поэт создает образ идущего племени с общим посохом — судьбой. Но цели у путников нет, как нет и конца пути. Есть пределы, вехи — «какой-либо мираж» (*jokin kangastus*). Путники сами создают мираж, чтобы продолжить путь:

<i>Tien lapsia olemme, matkaan syntyneitä,</i>	‘Мы дети дороги, для дороги
<i>karavaani-heimoa ratkellä elämän.</i>	рожденные,
<i>Ja ei tule koskaan loppua matkallemme...</i>	караванное племя в походе
[Kailas, 1966, s. 107]	по жизни
	И никогда не наступит конец
	нашему пути...’

Отсутствие цели характерно и для героев Диктониуса, они идут, «чтобы идти», летят, «чтобы лететь»: «Цель движения нам неведома»⁷ [Диктониус, 1969, с. 58] (*Hellossom går för att gå, // flyger för att flyga — // utan mål* [Diktonius, 1987, s. 426]).

Человек в поэзии Кайласа ведомый. Он направляем, порой он в оковах, кто-то всегда может закрыть на его пути ворота, поэтому помощь может прийти только от таких же, как он:

<i>Yks’, yhteinen meillä on matka ja tie...</i>	‘Одна, общая у нас дорога...
<i>tuhat vahvaa känsäistä kättä</i>	Тысяча крепких мозолистых
<i>tuhatkertainen voima on.</i>	рук —
(«Osuustoimintamarssi»)	Вот сила.’
[Kailas, 1933, s. 131–132]	(«Кооперативный марш»)

Путь лирического героя от я к мы — знак экспрессионистской поэзии, благословлявшей идею братства. Это, несомненно, новаторская черта. Позиция неоромантиков с их антагонизмом человека и общества поэтами 1920–1930-х гг., в том числе и Кайласом, не поддерживалась. Но финским неоромантикам и экспрессионистам была одинаково близка идея труда. Путники не только поют, но и «пашут», а потому путь не приведет в тупик.

В стихотворении «Шествие» (*Kulkue*, 1926) поэт создает образ идущих с завода рабочих, усталых, сгорбленных в поту и копоты. Ли-

⁷ Перевод Л. Тоома.

рический герой испытывает чувство вины, что не разделяет с ними труда, что они идут ему навстречу, а не вместе с ним. Это одно из немногих стихотворений Кайласа, которое было удостоено двух переводов на русский язык: Н. Банниковым [Поэзия Финляндии, 1962, с. 392] и Н. Булгаковой [Поэзия Финляндии, 1980]. Но в обоих случаях переводчики опускают слово «навстречу» (*vastaani*).

В «Шествии» Кайласа заметна параллель с «Фабрикой» (1903) А. Блока. Поэтический сюжет разворачивается на закате дня, когда, как гласит китайская мудрость, небосклон освещен особенно ярко.

Александр Блок. Фабрика

«Подходят люди к воротам».

«Согнуть измученные спины».

«Навалят на спину кули».

[Блок, 1960, I, с. 302]

Уно Кайлас. Шествие (*Kulkue*)

«идут со своих заводов»
(*tulevat tehtaistaan*)

«сгорбленные»
(*Selkä on painunut kumaraan*)

«у всех какой-то невидимый
тяжелый груз»
(*näkymätön raskas ois*)

[Kailas, 1966, s. 85]

Лирический герой и рабочие у Блока противопоставлены, лирический герой находится на вершине: «Я слышу все с моей вершины» [Блок, 1960, I, с. 302]. В стихотворении Кайласа у лирического героя и рабочих общая дорога. Они не проходят мимо друг друга, как неточно переведено в обоих случаях «тащатся мимо меня» [Поэзия Финляндии, 1980, с. 137]. Встреча возможна и неизбежна: «Они идут мне навстречу на вечерней заре» (*He tulevat vastaani iltaruskon aikaan*) [Kailas, 1966, s. 85]. Это встречное движение вписывается в модель от *я* к *мы* и сближает поэта с людьми труда.

Движение по кругу — это уже сюжет стихотворения «Время» (*Aika*, 1922). Круг этот заколдованный, и только через страдание за других, через любовь может быть найден путь освобождения. Ветхозаветный путь в поэзии Кайласа соединяется с христианскими идеями вины, страдания и искупления. Поэтом овладевает чувство страха, погружения в атавистическое беспокойство, известное в экзистенциализме как понятие *ангст*. Лирический герой признается, что боится смотреть на дверь, ведь могут прийти

«те, у кого нет имени» («В дверях», *Ovella*, 1931). Он жаждет выйти в путь, но не знает, где его найти.

Поэт находится у двери, через которую он уходил и приходил. Но «теперь все по-другому» (*Toisin, toisin on kaikki nyt*) [Kailas, 1966, s. 235]. От двери идут все дороги по земле обычной, знакомой, и по земле иной, неизвестной, в новый мир, в мистирию. Дверь становится границей двух миров. Но по какую сторону Спаситель?

<i>Tahdon etsiä vapahtajan...</i>	‘Хочу найти Спасителя...
<i>yli maailman kahden rajan...</i>	Через границу двух миров...
<i>Matkaan, sieluni kohtaloon! ...</i>	В путь, к судьбе души моей!...
<i>tielle, sokea, unta nähden!</i>	В путь, слепец, видящий сны!
<i>Ovi, kiertänyt ripaas oon.</i>	Дверь, я повернул твою ручку’
(« <i>Ovella</i> »)	(«В дверях»)

[Kailas, 1966, s. 237]

Поэт задается вопросом, что ему еще предстоит потерять? Но понимает, что должен преодолеть страх, должен повернуть ручку, что бы ни ожидало его за дверью. В финской критике стихотворение «В дверях», считается одним из лучших в творчестве Кайласа. Это одно из последних его произведений, эпилог. Действительно, оно многозначно и предельно искренне. Поэт останавливается в дверях потому, что отсюда, как пишет Е. Лилья, идут дороги в новый мир: «Путь, в который отправляется поэт, он называет судьбой своей души, а себя — слепцом. Сон о будущем пути очевидно таков, что он обещает состояние без ангста» [Lilja, 1972, s. 63]. Немного ранее в стихотворении «Сын короля» (*Kuninkaapoika*, 1928), посвященном Юхани Силье, Кайлас называет путь творца «святой дорогой призвания» (*Pyhä kutsumuksen-ties*) [Kailas, 1966, s. 160], а с него поэт не имеет права свернуть.

Кайласовская традиция в изображении темы пути была развита в стихотворениях Эвы-Лизы Маннер «Длинные дороги» (*Tiet ovat pitkää*, 1956), Ристо Ахти «Происходящее» (*Tapahtuminen*, 1982), в поэме Пааво Хаавикко «Двадцать и один» (*Kaksikymmentä ja yksi*, 1974) и др.

Поэма создана по модели леннротовской «Калевалы». В основе сюжета — поиски Сампо и возвращение героев домой. *Сампо*

в интерпретации Хаавикко — это монетный двор в Византии. Финны, а их двадцать один, отправившиеся по русским рекам в Византию, похищают печатный станок, но византийские корабли настигают финнов, и Сампо падает на дно Средиземного моря. Возвращение героев, почти как в «Одиссее», бесконечно во времени. Собственно, возвращение на родину — основная коллизия европейской литературы — это и центральная сюжетная линия поэмы. Вечное возвращение. По пути на родину герои рождаются и умирают, ни один из героев не возвращается домой. Сюжет поэмы Хаавикко вырос не только из «Одиссеи» и «Калевалы», но и из стихотворения Ууно Кайласа «Караван», где поэт констатировал, как уже сказано выше, что в пути поколения сменяют друг друга; тех, кто идет, сопровождает любовь к прежним поколениям, «уснувшим в объятиях земли» (*nukkuva syliin maan*) [Kailas, 1966, s. 108].

Феномен вечного возвращения изначально — атрибут дохристианского мышления. Христианство привнесло новое восприятие времени — линейное, эсхатологическое.

У Хаавикко финны путешествуют по воде — эта калевальская реминисценция (погоня за Сампо); постоянно подчеркиваются поэтом, повторяются названия русских рек Нева, Кама, Волга, упоминаются снасти, паруса, корабли. Но если в «Караване» цель пути — это просто мираж, иллюзия, то в поэме «Двадцать и один» цель весьма конкретная — похищение станка, печатающего деньги [Haavikko, 1974, s. 35].

С потерей Сампо путники теряют смысл своего пути и, самое главное, теряют дом. Как и у Кайласа, цель оказалась иллюзией, миражом. Но этот мираж — Сампо — был необходим, чтобы продолжался путь.

Можно сказать, что Хаавикко в своем поэтическом пространстве удачно использует «метод Джойса», переосмыслившего возвращение Улисса в одноименном романе. Также и Хелена Анхава воскрешает мотив гомеровской «Одиссеи».

У Хелены Анхава мужчина, отправляясь завоевывать мир, обещает вечером вернуться. И он возвращается на закате жизни сгорбленным старцем. Прошел один день, но этот день — целая жизнь. Мужчина хочет найти утешение в детях, но они выросли и разъехались, а жены финский Одиссей не замечает:

— *Lapset menivät jo, nainen sanoo.* ‘— Дети покинули дом, говорит жена.
 — *Olisit käskenyt odottamaan,* — Тебе следовало бы их удержать,
nyt on aikaa tutustua. Пришло время познакомиться.
 — *Olenhan minä, tutustu minuun.* — Но я ведь еще здесь, знакомься со
Mies ei vasta, мной.
nukkuu jo, väsynyt matkalainen. Муж не отвечает,
 [Anhava, 1973, s. 28] Он уже спит, усталый странник’.

Новый Одиссей одряб и устал. Здесь мотив пути предстает в негативном аспекте: тот, кто пустился в путешествие, — совсем не тот, кто вернется из него, и в данном случае преобразование происходит со знаком «минус». Но герои не всегда возвращаются.

Пример невозвращенца, открывающего новый мир, мы встречаем в стихотворении Хели Лааксонен *Turku — Geteborg — Halifaks — New York* («Турку — Гётеборг — Галифакс — Нью-Йорк», 2006). Героиня стихотворения Карина на океанском лайнере эмигрирует в Америку, где ее встречает жизнь по инструкции, по жесткому расписанию. Поэтесса спрашивает свою героиню:

Löysiks nime onnel? ‘Ну что, счастье свое нашла?
Viäläk soi sun kannel? Кантеле еще звучит?’
 [Laaksonen, 2006]

И получает ответ, в котором юмор уступает место безрадостному признанию в устах финской беглянки:

Kunnei soi! ‘Кантеле звучит!
Soih tu pala! ... Факел горит...
tämä tuli poltta jo sormi. этот огонь обжигает пальцы’.
 [Laaksonen, 2006]

Еще одно стихотворение, затрагивающее тему пути, принадлежит Кари Аартома «Шутка за углом» (*Nurkan takana kuje*, 2010). Поэт усаживает писателей на корабль, следующий по дороге в Ад. Стихотворение композиционно напоминает поэму шведского нобелевского лауреата Харри Мартинсона «Аниара». Путь героев «Аниары» — это путь без «цели, мысли, надежды... в никуда» [Романовская, Абрамова, 2022, с. 299]. А в стихотворении Аартома важна не цель пути, а то, что находится на корабле.

Поэт пытается придумать наиболее язвительные характеристики тем, кто успел на корабль: выпендрожник Оскар Уайльд, Эрнест Хемингуэй, Марк Твен. Среди финнов на корабле оказывается Мика Валтари, подолгу живший в Америке, писавший сценарии для Голливуда, и Пентти Саарикоски, поэт с несколько скандальной репутацией.

<i>...kumpikin mieltii omiaan matkalla Tuonelan Amerikkaan. Kiveä en näe enkä Leinoa. Cervanteskin puuttuu, huh, meinasin jo hermostua...</i>	‘...каждый думает о дороге в американскую Туонелу. Но только нет Лейно и Киви, И нет Сервантеса. А то я собирался Уже нервничать...’
---	--

[Aartoma, 2010, s. 8]

Трех писателей Аартома не помещает на корабль: Эйно Лейно, Алексиса Киви и Сервантеса. Все остальные, на его взгляд, поехали искать счастье в Америку, но эта дорога оказывается дорогой в Туонелу, в загробный мир, небытие.

У Сёдергран дорога в небытие называется «путем демонов» (*demonernas väg är en annan*) [Södergran, 1990, s.85], и этот путь, на взгляд поэтессы, другой, не тот, по которому лирическая героиня устремляется к бесконечной Вселенной, и это не «дорога в страну, которой нет» (*vägen till landet som icke är*) [Södergran, 1990, s. 186], где «идет ее возлюбленный в искристом венце» (*där går min älskade med gnistrande krona*) [Södergran, 1990, s. 186]⁸. «Путь демонов» не пересекается с дорогой «идущего в искристом венце».

В поэзии Ристо Ахти дорога — это полет. Не тропа, а небесное пространство, но не среди звезд, как у Сёдергран, а среди птиц. В стихотворении «Происходящее» (*Tapahtuminen*, 1982) поэт как бы примеряет на себя символ-образ птицы, на себя, человека, имеющего корни, родной дом, страну. По его мнению, такой человек, уезжая из дома, покупая билет «туда и обратно», подобен птице. Ведь птица, которая летает туда-сюда, всегда имеет дом. Пока она летает, дом будет построен. Как бы и птица строит (вьет гнездо), и дом сам строится, просто потому что у него есть хозяин (отсутствующая, летающая туда-сюда птица). Словом, чтобы

⁸ Перевод И. Бочкаревой.

обрести дом, надо из него уйти, приходит к парадоксальному выводу поэт, подтверждая старую мудрость, выраженную в пословице: «Из дому не уезжать — жить не научишься»:

<i>Kun lintu lentää edestakaisin, sen pesä valmistuu tai poikanen kasvaa. ...kauempana menee vene jonnekin. Tiedän, että paluukin on jo suunniteltu...</i>	‘Если птица летает туда-сюда, она совет гнездо и её птенец подрастет.’
<i>Ajattelen, että teemme kierroksia itsemme ympärillä lähtemättä koskaan minnekään. Ajattelen tätä vielä asemalla, kun nainen kysyy: «Meno-paluu?» Ja huomaamatta sanon ääneen: «Todellisuudessa ei kuitenkaan koskaan voi palata».</i>	‘...куда-то вдаль уходит судно. Я знаю, что возвращение уже запланировано...’
	‘Я думаю, что мы идем по кругу, отправляясь куда-нибудь в дорогу. Я думаю об этом еще на вокзале, когда кассирша спрашивает: «Туда и обратно?» — и я непроизвольно громко говорю: «В действительности так невозможно».’

[Ahti, 1982, s. 15]

Герой не верит в «туда и обратно», так как это будет движение не назад, но выход на новый виток, на новое возвращение. Поэт как бы примиряет лирического героя с афоризмом Гераклита, что нельзя дважды войти в одну реку, с идеей Вечного возвращения Фридриха Ницше, мифологической парадигмой Томаса Элиота о вечном круговращении созвездий [Eliot, 1963, p. 147] и образами людей-птиц у Диктониуса, «стремящихся домой» (*djërva fåglar... / sökande sig hemåt*) [Diktonius, 1987, s. 426].

Но когда человек в своем спланированном (что важно!) движении туда-сюда, как птица, что строит гнездо, встречает другого человека, он налетает на стену, садится на мель. Здесь другой человек — это камень преткновения, но вряд ли можно рассматривать его в негативном ключе, потому что неизвестно, когда настоящему что-то происходит: когда ты строишь гнездо, двигаясь по привычке, по одному и тому же маршруту, или когда ты натыкаешься на человека.

У Ахти круговращение, движение по кругу, «туда и обратно», «туда-сюда» в любом случае означают движение вперед. Главное, не сесть на мель, не налететь на стену.

«Экологическое» сознание диктует поэтам образы, не встречавшиеся в литературе предшествующих поколений. Подобно ге-

роине Эдит Сёдерган, через которую проносится небесный поток, Ральф Нурдгрэн, пишущий по-шведски, создает образ лирического героя, отождествляющего себя с камнем, через который проходит дорога. Смысл жизни героя-камня осуществлен, герой-камень приносит пользу человечеству, открывая людям дорогу.

<i>Sedan drog de vägen.</i>	‘Потом они проложили дорогу.
<i>Igenom mig...</i>	Через меня...
<i>Nu ligger jag på varsin sida om vägen.</i>	Теперь я лежу по обе стороны
<i>Det är så jag ser mig själv.</i>	дороги.
<i>Jag har gett rum</i>	Вот так я осознаю себя.
<i>för vägen.</i>	Я дал место дороге.’

[Nordgren, 1979, s. 48]

По мнению Нурдгрэна, все движется вокруг камня, и герою, отождествляющему себя с камнем, остается быть созерцателем этого движения.

<i>Det är förbi oss allt rör sig.</i>	‘Все движется мимо нас.
<i>Vi är de fasta punkterna.</i>	Мы — начало координат.
<i>Vi är nästan allt.</i>	Мы — почти всё.’

[Nordgren, 1979, s. 50]

Мотив пути в поэзии Финляндии — тема многозначная и противоречивая. В современной финской поэзии тема пути зазвучала по-новому с разнообразными нюансами, которые порой не сочетаются друг с другом, но она по-прежнему остается актуальной и, можно сказать, основной. Это и тропа под людскими ногами, и духовная эволюция лирического героя. Само движение происходит в разных направлениях: вперед, по кругу, от *я* к *мы*, навстречу друг к другу, внутрь себя, вовне. Это движение и одного героя, и массы. Движение вверх, к божественному, и вниз. Это, пожалуй, самый сложный и многосторонний образ в финской поэзии XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Блок А. А. Душа писателя. *Блок А. А. Собр. соч. в 8 т.* Т. 5. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С. 367–371.

Блок А. А. *Собр. соч. в 8 т.* Т. I. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. 784 с.

- Диктониус Э. *Колючее пламя*. М.: Прогресс, 1969. 158 с.
- Карху Э. Г. *История литературы Финляндии. XX век*. Л.: Наука, 1990. 608 с.
- Лейно Э. *Избранное*. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 280 с.
- Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании А. А. Блока. *Блоковский сборник*. Вып. II. Отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1972. С. 25–121.
- Малявин В. В. В поисках традиции. *Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. Ред.-сост. Л. Ш. Рожанский. М.: Наука, 1988. С. 33–36.
- Поэзия Финляндии*: пер. с фин. и швед. Под ред. М. Шехтера. Вст. ст. Е. Долматовского. М.: ГИХЛ, 1962. 560 с.
- Поэзия Финляндии*: пер. с фин. и швед. Сост. и послесл. Э. Г. Карху. М.: Прогресс, 1980. 384 с.
- Рахимова Э. Г. *От «Калевальских» устных рун к неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно*. М.: Наследие, 2001. 216 с.
- Романовская И. В., Абрамова О. Г. Антиутопия в творчестве Х. Мартинсона и А. П. Платонова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 19 (2), 2022. С. 291–303. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.205>
- Сузи В. Н. *Личностные начала в текстах русских авторов*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 112 с.
- Aartoma K. *Nurkan takana kuje*. Turku: Turbator, 2010. 69s.
- Ahti R. *Narkissos talvela*. Porvoo: WSOY, 1982. 54 s.
- Anhava H. *Vuorosanoja*. Helsinki: Otava, 1973. 84 s.
- Diktonius E. *Samlade dikter*. Helsingfors: Schildts, 1987. 470s.
- Eliot T.S. *Choruses from "The Rock"*. New York: Harcourt, Brace & World, 1963. Режим доступа: <https://www.poetrynook.com/poem/choruses-%C3%B4%C3%A7%C2%A3the-rock%C3%B4%C3%A7%C3%B8> (дата обращения: 23.07.2019).
- Jänicke G. *Edith Södergran. Diktare på två språk*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1984. 164 s.
- Haavikko P. *Kaksikymmentä ja yksi*. Helsinki: Otava, 1974. 112 s.
- Kailas U. *Punajuova*. Porvoo: WSOY, 1933. 200 s.
- Kailas U. *Runoja*. Porvoo: WSOY, 1966. 260 s.
- Kunnas M.-L. [Nevala]. *Muodon vallankumous / Modernismin tulo suomenkieliseen lyrikkaan*. Pieksämäki: Suomen kirjallisuuden seura, 1981. 218 s.
- Laaksonen H. *Sulavo*. Helsinki: Otava, 2006. 87 s.
- Laitinen K. *Suomen kirjallisuuden historia*. Helsinki: Otava, 1981. 676 s.
- Leino E. *Elämän koreus. Valikoima runoja*. Helsinki: Otava, 1977. 488 s.
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*. Helsinki: Otava, 1926–30. Osa I, 1926. 416 s.
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*. Helsinki: Otava, 1926–30. Osa II, 1926. 464 s.
- Lilja J. *Runoilija ja eksistenssi*. (Jyväskylä Studies in the Arts, 5). Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1972. 194 s.
- Niinistö M. Uuno Kailas. *Suomi 114, No. 2*. Helsinki: SKS, 1969. S. 50–62.
- Nordgren R. *Stensamling*. Helsingfors: Schildts, 1979. 78 s.

Södergran E. *Dikter och aforismer*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1990. 376 p.

Статья поступила в редакцию 28 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 13 июля 2023 г.

Helena Soini

*Institute for Language, Literature and History
of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences*

THE MOTIF OF THE WAY IN THE WORK OF THE POETS OF FINLAND IN THE 20TH CENTURY*

For citation: Soini H. G. The motif of the way in the work of the poets of Finland in the 20th century. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 374–394. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.211> (In Russian)

The path motif is one of the major dominants in the works of prominent 20th-century poets of Finland, both Finnish and Swedish native speakers. Understanding life as a road is what Eino Leino shares in common with Uno Kailas, Paavo Haavikko, Risto Ahti, Heli Laaksonen, Edith Södergran, and Ralf Nordgren. Their position coincides with the creative concepts of Alexander Blok and the ideas of pilgrimage in European literature and in Kalevalian poetry. 20th-century Finnish poetry falls into all-European line. But in Finnish poetry, the path motif has existed since the epic songs: Lemminkäinen's escape, folklore heroes' journey in search of a bride, and Kalevalians' quest to recover the Sampo. Furthermore, travelers' purposes ranged from noble and holy to everyday and mundane. In the early 20th century, Finnish neo-Romanticists, referring to the history of national culture, travelled frequently to Finnish and Russian Karelia. Since the 1920s, poets have been referring to the road image as the "holy road of calling" (Uno Kailas) a singer has no right to turn away from. In post-World War II poetry, moving in a circle or "back and forth" (Risto Ahti) is, in any case, moving forward. The important thing is not to get stranded, not to run into a wall. The path dominant becomes deeply intertwined with the image of a home, as the path motif does with the image of time, life cycle, and biography. A real, geographical, biographical, and spiritual path become one, and on that path high is combined with low or even vile. In modern Finnish poetry, the path theme found a new life with different, sometimes not matching nuances, while still remaining relevant and arguably primary.

Keywords: Literature of Finland, the motif of the road, life-road, spiritual biography, return, home.

REFERENCES

- Aartoma K. *Nurkan takana kuje*. Turku: Turbator, 2010. 69 s.
Ahti R. *Narkissos talvela*. Porvoo: WSOY, 1982. 54 s.

* The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, no. 121070800089-0 "Folklore, Handwritten Books and Literature of the European North: Source Study and Poetics".

- Anhava H. *Vuorosanoja*. Helsinki: Otava, 1973. 84 s.
- Blok A. A. A writer's Soul. In: A. A. Blok. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Vol. 5. Moscow, Leningrad: GIKhL Publ., 1962. P.367–371. (In Russian)
- Blok A. A. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 1. Moscow, Leningrad: GIKhL Publ., 1960. 784 p. (In Russian)
- Diktonius E. *The barbed flame*. Moscow: Progress Publ., 1969. 158 p. (In Russian)
- Diktonius E. *Samlade dikter*. Helsingfors: Schildts, 1987. 470 s.
- Eliot T. S. *Choruses from "The Rock"*. New York: Harcourt, Brace & World, 1963. Available at: <https://www.poetrynook.com/poem/choruses-%C3%B4%C3%A7%C2%A3the-rock%C3%B4%C3%A7%C3%B8> (accessed: 23.07.2019).
- Jänicke G. *Edith Södergran. Diktare på två språk*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1984. 164s.
- Haavikko P. *Kaksikymmentä ja yksi*. Helsinki: Otava, 1974. 112 s.
- Kailas U. *Punajuova*. Porvoo: WSOY, 1933. 200 s.
- Kailas U. *Runoja*. Porvoo: WSOY, 1966. 260 s.
- Karhu E. G. *The History of the Finnish literature of the 20th century*. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 608 p. (In Russian)
- Kunnas M.-L. [Nevala]. *Muodon vallankumous / Modernismin tulo suomenkieliseen lyrikkan*. Pieksämäki: Suomen kirjallisuuden seura, 1981. 218 s.
- Laaksonen H. *Sulavoi*. 2006. 87 s.
- Laitinen K. *Suomen kirjallisuuden historia*. Helsinki: Otava, 1981. 676 s.
- Leino E. *Elämän koreus. Valikoima runoja*. Helsinki: Otava, 1977. 488 s.
- Leino E. *Selected works*. Moscow, Leningrad: GIKhL Publ., 1959. 280 s. (In Russian)
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*, Helsinki: Otava, 1926–30. Osa I, 1926. 416 s.
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*, Helsinki: Otava, 1926–30. Osa II, 1926. 464 s.
- Lilja J. *Runoilija ja eksistenssi*. (Jyväskylä Studies in the Art, 5). Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1972. 194 s.
- Maksimov D. Ie. The idea of the way in the poetic consciousness of A. A. Blok. *Blokovskii sbornik*. [Collection of Alexander Blok.] Ed. by Z. G. Mints. Tartu, 1972. Iss. II. P.25–121. (In Russian)
- Maljavin V. V. In search of traditions. *East — West. Researches. Translations. Publications*. Ed. L. Sh. Rozhanskii. Moscow: Nauka Publ., 1988. P.33–36. (In Russian)
- Niinistö M. Uuno Kailas. *Suomi*, 114 (2). Helsinki: SKS, 1969. S.50–62.
- Nordgren R. *Stensamling*. Helsingfors: Schildts, 1979. 78s.
- Poetry of Finland*: transl. from Finnish and Swedish. Ed. by M. Shekhter. Foreword by E. Dolmatovskii. Moscow: GIKhL Publ., 1962. 560 p. (In Russian)
- Poetry of Finland*: transl. from Finnish and Swedish. Comp. and afterword by E. G. Karhu. Moscow: Progress Publ., 1980. 384 p. (In Russian)
- Rahimova E. G. *From the Kaleval oral runes to the neo-romantic mythopoetics of Eino Leino*. Moscow: Nasledie Publ., 2001. 216 p. (In Russian)

- Romanovskaya I. V., Abramova O. G. Dystopia in works of Harry Martinson and Andrei Platonov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19 (2), 2022. P. 291–303. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.205> (In Russian)
- Suzi V. N. *The personal beginnings in the texts of Russian authors*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press, 2017. 112 p. (In Russian)
- Södergran E. *Dikter och aforismer*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1990. 376 s.

Сойни Елена Григорьевна

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: elenasoini@gmail.com

Helena Soini

Dr Sci. in Philology, Professor, Leading Scientist,
Institute of Language, Literature and History
of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: elenasoini@gmail.com

Received: June 28, 2023

Accepted: July 5, 2023